

РЕГИОН В КОНТЕКСТЕ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ И ЭВОЛЮЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

О. А. ЛОМОВЦЕВА

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

e-mail:

lomovceva@bsu.edu.ru

В статье рассмотрены концептуальные вопросы формирования и развития регионалистики как объективного процесса. С одной стороны, изменяются приоритеты экономической активности по регионам мира, что требует выявления закономерностей и определения факторов специализации. С другой стороны, действуют интеграционные механизмы страновых (национальных) экономик, призванные обеспечивать целостность и гарантии сближения уровней развития отдельных территорий. Автор использует концепции экономических циклов для подтверждения трансформационных процессов в региональных экономиках, а также рассматривает ряд современных представлений о регионе, позволяющих синтезировать представление о нем как о социоприродохозяйственной системе.

Ключевые слова: регион, экономическая активность, теории региональной экономики, региональный рынок, воспроизводственный подход, региональная социоприродохозяйственная система.

Современная рыночная экономика, в рамках которой функционируют хозяйства многих стран мира и на которую ориентирована российская модель развития, впитала в себя механизмы самоорганизации, основанные на свободном предпринимательстве, а также механизмы направляемого развития и ограничения меры допустимой активности. При этом экономическая целесообразность традиционно учитывала природно-ресурсный фактор, который на протяжении многих веков являлся безусловным императивом хозяйственной деятельности. Подчиняясь ему, очаги экономической активности, в большей или меньшей степени воздействовавшие на развитие различных районов земного шара, сменяли друг друга на протяжении всей мировой истории. Французский экономист Жак Пирен, например, объяснял это на ранних стадиях ролью моря в зарождении и развитии различных цивилизаций [2]. Так, в Древнем мире (начиная с 3-го тысячелетия до н.э.) центры экономической активности формировались вокруг Средиземного моря: вначале египтяне – Карфаген, затем Венеция, контролировавшая путь в Балтику. Португальцы привели в упадок Венецианскую республику, открыв путь из Индии через Красное море в Лиссабон, удешевив перевозимые пряности в пять раз, после чего центр мировой торговли (читай – экономики) переместился со Средиземного моря на европейское побережье Атлантики, в Западную Европу, что обусловило бурное развитие городов, торгового капитала (Антверпенская, Лионская ярмарки, биржи XVI века). После Португалии, открывшей в XV веке Америку, центрами становились Голландия, в XVII веке – Великобритания. Конец XVIII – начало XIX вв., ознаменованные промышленной революцией, выдвинули вперед Германию, применявшую передовые технологии в химии, электричество.

С начала XX века доминирующим центром мировой экономической активности стали США. Однако в американской экономике этого периода стала явно проследиваться цикличность. В 1932 г. промышленное производство США сократилось почти на 50 %, что потребовало серьезных государственных вмешательств в действие чисто рыночных механизмов. С приходом к власти президента Ф.Т. Рузвельта начались глубокие экономические реформы, усилившие регулируемую функцию государства.

После второй мировой войны начался бурный экономический рост в странах Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии и экономическая активность переместилась с берегов Атлантики на берега Тихого Океана. В частности, национальная экономика Японии после поражения во второй мировой войне находилась в состоянии хаоса. Инфляция к 1952 г. достигала 1500 % от послевоенного уровня. Реформы, начавшиеся

в 1946 году, позволили осуществить выкуп помещичьих земель государством и продажу ее арендаторам – крестьянам. Была прекращена поддержка военных заводов, убыточных предприятий. В сочетании с введением гибкой системы налогообложения и кредитных льгот это уже в 1990 году дало прирост валового национального продукта на душу населения в размере 5-6 % против 0,9 % в США. Тем не менее после этих преобразований государственная политика смягчилась и перешла к системе «дерегулирования».

Другой феномен – Китай – в 80-90-е годы начал проводить экономическую политику развития рыночных отношений с одновременным сильным государственным контролем. Частный капитал был допущен в сферу торговли и обслуживания, созданы свободные экономические зоны, для притока иностранного капитала были открыты 14 морских портов. При этом государственный сектор остался доминирующим. Результаты этой политики хорошо известны, широко обсуждаемы, спорны, однако очевидным является прорыв социально-экономической системы Китая в мировые лидеры по темпам роста ВВП, объемам НИОКР, росту доходов населения и другим параметрам. Схожая ситуация наблюдается в последнее десятилетие в Южной Корее, Индии которые постепенно завоевывают лидирующие позиции на рынках высокотехнологичных товаров.

Изучение эволюции мировых центров экономической активности позволяет выявить главные факторы и условия, необходимые для развития. Оно помогает уяснить причины неудач и отставания слаборазвитых стран.

Прежде всего необходимо отметить, что конкретные проявления развития регионов мира и их социумов, помимо влияния современных условий, содержат еще признаки стадийности (цикличности) эволюции глобальной общественной системы. В основе гипотезы лежит естественно-исторический подход, включающий в себя типологические и эволюционные принципы общественного развития, признание сходства отдельных регионов в строении производительных сил. Речь идет о подобии пространственных социально-экономических явлений и процессов. Общественные механизмы столь универсальны, что если и приводят к разным результатам на разных этапах развития под влиянием какого-либо субъективного фактора, все же способны осуществлять общую тенденцию. Подобный подход использовался при изучении закономерностей пространственной организации производительных сил (территориальной концентрации и диффузии) в так называемой концепции «центр-периферии» (Дж. Фридман и К. Уивер) и в теории поляризованного развития (Ф. Перру, У. Аюрдаль) [8].

Движущей силой, обеспечивающей постоянное общественное развитие и воспроизводство, по мнению Фридмана, является генерирование в некоем пространственном ядре (центре НИОКР) новшеств (новаций), а затем их диффузии на периферию. Под воздействием НТП концентрируются новые наукоемкие отрасли и производства, идет перманентная структурная перестройка экономической базы и связанной с ней социальной; отрасли, не соответствующие требованиям НТП, вытесняются на периферию, идет диффузия устаревших нововведений, что играет, в свою очередь, роль импульсов роста в передаче их от центра к периферии, способствуя развитию последней.

Если использовать известные зависимости между стадиями развития экономики и характером регионального развития, такие как большие циклы Кондратьева, стадии Фридмана и фазы расселения Джиббса, то можно дать наглядное представление смены и чередования тенденций в экономико-территориальном развитии и объяснить асинхронность развития отдельных регионов (см. табл. 1).

Вначале происходит зарождение и диффузия инноваций № 1 (индустриализация и ее экономическая эффективность), затем зарождение и расширение инноваций № 2 (НТП и «тертиаризация» хозяйства с его социально-экономическими последствиями).

Как уже отмечалось выше, мировой процесс развития имел характер экспансии на территории мира крайне неравномерно, по мере подготовки стартовых условий. Например, при мануфактурном типе производства города имели, в основном, административно-торговые функции с первоначальным накоплением капитала. Происходило нарастание территориальных контрастов в расселении и производстве, что соответствует 1 стадии Фридмана, «нулевому» кондратьевскому циклу и переходу от I ко II фазе расселения по Джиббсу.

Таблица

Сравнительная характеристика циклов Кондратьева, фаз Джиббса, стадий Фридмана [соот с исп. 3]

Характеристики	Доиндустриальная эпоха		Индустриальная эпоха			Постиндустриальная эпоха	
	0-й цикл	1-й цикл	2-й цикл цикл	3-й цикл	4-й цикл	5-й цикл	6-й цикл
Волны Кондратьева (I, II, III)	Генерирование инноваций		№ 1 (индустриализация)			Диффузия инноваций № 1 Генерирование инноваций № 2	Диффузия инноваций № 2
Фазы расселения по Джиббсу	I (первая)	II (вторая)	III (третья)			IV (четвертая)	V (пятая)
Стадии Фридмана	1 (первая)	2 (вторая)	3 (третья) 1 стадия Ф"			4 (четвертая) 2 стадия Ф"	3 стадия Ф"

Далее историко-эволюционный процесс шел по пути экспансии промышленности, что происходило за счет выкачивания (оттока) трудовых и материальных ресурсов из периферии. Доминирующими стали центробежные тенденции, росла концентрация экономической деятельности и на уровне отдельных географических районов, и на межрайонном уровне. Увеличивалось число и разнообразие промышленных районов, узлов, центров, региональное развитие шло по пути межрайонной поляризации, что соответствует стадии 2 Фридмана, 1, 2, 3-го циклов Кондратьева, II и III фазам Джиббса. В Западной Европе, например, этот процесс продолжался полтора столетия, в течение которых сформировались основные мегаядра с высоким уровнем экономического потенциала, инфраструктурой, населением [8].

Новая фаза связана с развитием НТР и продолжением промышленного освоения территорий, в процессе которого ведущие городские центры генерируют инновации для всего региона. Инновации выталкиваются на созревшую для них периферию. Одновременно действуют две тенденции: центростремительная, стягивающая население региона в урбанизированные районы, и центробежная, т.е. его рассредоточение в пределах агломераций. Это характеризует IV фазу расселения, 4-й кондратьевский цикл, для которых свойственна активная «тертиаризация» экономической структуры городов, а затем и субурбанизация. Таким образом, ускоряется индустриализация внешней периферии, осуществляется ее отход от отраслей первичного сектора (сырьедобывающего).

Следующий этап связан с тенденцией 5-го большого цикла: по мере наращивания потенциала НТП наукоемкие отрасли распространяются вширь, образуя новые рычаги. Промышленные функции продолжают вытесняться из центральных районов, вызывая расползание центров (эффект «плесени апельсина»). Это усиливает центробежные тенденции, поскольку отмечается опережающий рост экономической активности на перифериях о сравнению с центром, в сельской местности по сравнению с городской, в малых и средних городах о сравнению с крупными. Это получило название контрурбанизации и стало новым этапом в расселении, вызывая изменение в занятости (V фаза Джиббса). Новые процессы повторяют стадии 1и 2, а в будущем стадию 3 Фридмана (Ф"), что ведет к сплошному развитию внутри региона.

Характер регионального развития в настоящий период определяется, с одной стороны, территориальной концентрацией новых «элитарных» отраслей и, с другой – выравниванием различий по большинству территориальных показателей. Начало новой постиндустриальной эпохи воспроизводит на новом уровне всю систему отношений между центром и периферией, с законченной сменой стадий, первоначально выделенных Дж. Фридманом для индустриальной эпохи: субурбанизация крупнейших

городских районов, которая спустя некоторое время распространяется и на межрайонный уровень.

Происшедшая в период 3-го цикла смена парадигмы общественного развития представляет собой ни что иное, как «восхождение от экономического районирования к общественному, от территориальной организации производительных сил с их ресурсами до общественной» [5]. Это соответствует переходному к 4-му большому циклу Кондратьева, ведущему далее к социо-культурным, социо-информационным трансформациям, типу постиндустриального размещения производительных сил и формирования региональных социоприродохозяйственных систем на макро- и микроуровнях. В переходный период не исключаются «пульсация» структур разных уровней иерархии, кризис и ренессанс старых центров, рост влияния транснациональных корпораций на региональное развитие. Это выдвигает в качестве приоритетной способность региона к самообновлению и адаптации, генерированию НТП. Степень прогрессивности развития региона измеряется не просто долей старого и нового, а соотношением креативных и адаптивных, творческих и исполнительских функций [3].

Смена эпох общественного развития, фаз эволюции расселения, динамика индустриальных циклов сопровождается появлением новых очагов роста, ускоренной структурной перестройкой, упадком старых районов, центров. Наиболее устойчивыми являются независимые от конъюнктуры районы, имеющие диверсифицированную структуру экономики. В свою очередь, смена типов регионального развития сопровождается изменением его функций [4]. Прежде всего, эти функции направлены на избежание деградации и сохранение возможности для дальнейшего развития. Для этого любой регион должен обладать рядом общих свойств. *Первое свойство* – способность обеспечить раскрытие личностей людей, живущих в нем, их талантов, интеллектуальных возможностей, воли. Это нужно для создания новых технологий, выработки нового взаимоотношения с природой, новой социальной организации. Теперь уже не количество произведенной продукции и даже не ее качество является мерилем развития региона и его международного рейтинга. При современном уровне обмена информацией почти все ноу-хау быстро становятся известными всем. А вот воспроизводить, тиражировать эти достижения техники оказывается значительно труднее. Это зависит от общей культуры, образованности народов, порождающих и необходимую дисциплину труда, от способности социумов раскрывать потенциальные творческие способности граждан [5].

Второе свойство: государство должно обеспечивать высокий уровень социальной защищенности личности, поскольку раскрытие творческого созидательного потенциала нации требует определенной социальной стабильности и общественных компромиссов, смягчающих противостояния, рождаемые социальным неравенством. С одной стороны, общественные институты обеспечивают свободу раскрытия личности, с другой стороны, различия людей порождают неравенство.

Сочетание этих свойств затруднено сложностью связей, объемом информации, неопределенностью последствий, поэтому необходимо новое понимание управленческого воздействия, обеспечивающего скорее не управляемое, а направляемое развитие социоприродохозяйственных систем. Воздействия необходимы лишь для того, чтобы поддержать желаемые тенденции или избежать тех или иных нежелательных событий (катастроф), способных увести развитие в сторону. Иными словами, не жесткое управление с точно поставленными целями, а направление естественных процессов самоорганизации в желаемое русло развития, которое обеспечивает стабильность общественной жизни. Используя образное сравнение, можно сказать об использовании «принципа кормчего», описанного Н.Н. Моисеевым, нашего замечательного современника, активного деятеля международного экологического движения, ученого, известного как разработчика математических моделей последствий ядерной войны. Согласно этому принципу, кормчий, стремясь достичь своей гавани, не должен рассчитывать только на свои силы, а и на силы природы тоже – течений, ветра, чтобы достичь желаемой цели. И уж во всяком случае не направлять свой корабль наперекор потоку [4].

Таким образом, мы подошли к осознанию роли «кормчего» – человека – в развитии общества [5]. В зарубежной и отечественной литературе встречается большое количество публикаций, освещающих эту проблему. В первую очередь, интересными в этой связи являются труды, в которых ведется дискуссия о роли человеческого капитала в моделях роста, общественного развития [1]. В них представлены различные подходы: от институциональных концепций становления рыночной экономики и моделей Г. Мюрдаля до новых моделей роста Р. Солоу, Р. Лукаса и других [6]. Постепенная эволюция взглядов показывает, что развитие – это многомерный процесс, включающий изменения в технической, экономической, социальной и других сферах. Из них следует, что любой регион мира в современном понимании складывается как социоприродохозяйственная система, принципиальной особенностью которой является доминирование человека, социально активного элемента, что отличает его поведение от функционирования других, например, технических систем. Основное в этом поведении: объединение людей с одновременным сохранением особенностей; способность к переменам, переустройству; стремление к стабильности, равновесию; дополняемость подсистем и изменение статуса и пр. [3]. Такое понимание региона актуализирует исследования в направлении выявления единства и многообразия в способах и векторах развития отдельных регионов мира. Н.Н. Моисеев назвал это проявлением закона дивергенции, рождающего множественность культур и чрезвычайное разнообразие ценностных шкал [4]. Несмотря на то, что техносфера кажется единой – европейцы, китайцы, американцы или индусы используют одни и те же машины – у них сложились совершенно разные представления о содержании жизни, разные устремления, разные традиции, разные шкалы ценностей. Образ мышления, стандарты жизни, нормы поведения, характер искусства у народов, даже живущих в одних и тех же географических условиях, никогда не бывают совершенно идентичными. Классический пример тому – республики Закавказья. Несмотря на однотипность природных условий, в которых живут азербайджанцы, армяне, грузины и другие кавказские народы, несмотря на близость, в которой они находятся не одно тысячелетие, культура каждого из этих народов продолжает сохранять свою самобытность [1]. И, несмотря на то, что возникли разнообразные формы коммуникаций, транспорта и связи, несмотря на растущую миграцию людей, несмотря на печать, телевидение и радио, – это разнообразие не сокращается.

В то же время существует и обратная тенденция: в современных условиях происходит определенная унификация, может быть не столько культур, сколько поведений. Возникают и некоторые стандарты общения.

Поэтому плюрализм духовных миров, культур и цивилизаций – явление многофакторное. Это – и традиции, и индивидуальные особенности, и, наконец, общие законы развития природы (как, например, уже упомянутый нами закон дивергенции) [3, 7].

Унифицировать развитие различных стран, регионов, локальных территорий мира, также как и культивировать различия, невозможно. Однако у общества есть некоторые правила поведения, которые всегда являются компромиссом двух противоположных начал – свободы и регламентации, иллюстрируемые сопоставлением структур организации общественной жизни термита и человека, почерпнутым нами из работ Н.Н. Моисеева [4]. По его определению, термитник представляет собой такую систему, где индивидуальное начало подавлено полностью. Всю его жизнь определяет только кооперативное начало – действия особи полностью подчинены реализации программы благополучия популяции, т.е. термитника. «Программы» благополучия отдельного насекомого не предусмотрено. Такое полное подчинение каждого термита раз и навсегда заданному способу действий оказалось чрезвычайно устойчивой формой разрешения противоречий «целое – часть». Совершенно иная ситуация в человеческом сообществе. Непрерывное усложнение трудовой деятельности ведет к разнообразию стереотипов поведения людей, основой устойчивости является разнообразие, диверсификация. Кооперативное начало проявляется в подчинении множества поведений общей цели или системе целей. Следовательно, общество способно влиять на отдельные свои подсистемы, их поведение и ограничивать крайние их проявления. Но верно и обрат-

ное – совокупность поведений подсистем формирует характер общества [5]. От того, насколько отдельные регионы способны будут преодолеть свой эгоизм, свою агрессию, будет зависеть облик и будущее государства и человеческого сообщества в целом.

Подобного рода размышления и развития экономической теории привели к формированию и выделению в отдельное направление исследований теории региональной экономики. Теория региональной экономики, основанная на междисциплинарном подходе, начала развиваться на Западе в 50-х годах XX века. Одним из первых апологетов этого синтетического научного направления стал известный американский ученый У. Изард, рассматривавший регион как целостную систему, обладающую и признаками относительно обособленного территориального образования, и признаками субъекта экономической деятельности (отношений), и признаками социальной общности людей, живущих на определенной территории [10]. Уже в тот период, по Изарду, регион стали понимать в науке как носителя особых социально-экономических интересов и, соответственно, формировать инструментарий исследований. Это направление получило бурное развитие и долгое время испытывало влияние смежных наук – экономической географии, размещения производительных сил, институциональная теория и др. – однако постепенно обретало контуры регионалистического характера. Так, в 60-х годах в нашей стране применение этих взглядов нашло в работах представителя новосибирской экономической школы, д.э.н., профессора Р.И. Шнипера, обосновавшего теорию регионального воспроизводственного процесса, в котором взаимодействуют рынки факторов производства [11]. Однако в условиях административно-командной экономики речь шла не столько о рынках как таковых, сколько об изучении тех или иных преимуществ территориального разделения труда и их использовании в системе отношений «государство-регион» и «регион-регион».

Современный период характеризуется как в мировой экономической мысли, так и в российской усилением феномена «регионализм общего рынка» [11, с.10]. Суть вышеназванного феномена состоит в том, что глобальная экономика понимается как система взаимодействий между региональными экономиками. Каждый из регионов связан не с абстрактной мировой экономикой, а с конкретными регионами мира либо прямыми, либо опосредованными экономическими связями. Прямые – через договоры о сотрудничестве, экспорт-импорт и пр., опосредованные – через транснациональный капитал, финансовые институты и пр. При этом, конечно, обозначаются государственные границы стран и регионов, формируется пространство общего национального рынка, однако административные границы в реальной жизни не совпадают с экономическими границами, поскольку последние обусловлены территориальной организацией рыночных процессов и межрегиональными экономическими связями. Именно это и называют *регионализмом общего рынка*.

В числе парадигм и концепций последних лет есть понимание региона как квазигосударства, как квазикорпорации, как социума, как рынка [12, с. 83-84].

Регион как *квазигосударство* представляет собой относительно обособленную подсистему государства и национальной экономики, одной из главных функций которого является регулирование экономики региона посредством взаимодействия федеральных и региональных властей, а также разных форм межрегиональных экономических отношений. Этот контекст в понимании сущности региона традиционно присутствовал в экономико-географическом направлении региональной науки.

Регион как *квазикорпорация* представляет собой крупный субъект хозяйствования, обладающий значительным ресурсным потенциалом, используя который регион конкурирует на рынках товаров, услуг, капитала. В условиях плановой экономики это направление практически не развивалось в отсутствие хозяйственной самостоятельности территориальных образований, но стало популярным в отечественной литературе 90-годов.

Регион как *социум* характеризуется общностью людей, живущих на определенной территории, которая обладает системой расселения, этно-культурными, социальными, экономическими, демографическими и другими параметрами, образующими

страты, социальные группы, их особые функции и интересы. Синтезу этих аспектов региональная наука изначально, с начала 50-х гг. уделяла большое внимание.

В последние годы в литературе стали заметными публикации, в которых регион рассматривается не только как субъект социальных, экономических, политических отношений, но и рыночных. Регион как *рынок* обладает уникальным предпринимательским климатом, в условиях которого функционируют рынки товаров, капитала, труда, природных ресурсов, информации, имеющие определенные границы (ареал).

Действительно, что есть современный регион как не система взаимодействующих, полиморфичных рынков, посредством которых только и возможно непрерывно воспроизводить производительные силы и производственные отношения на относительно самостоятельной и обособленной территории? Концептуально этот подход опирается на теорию рыночных потенциалов, приверженцами которой были немецкий ученый А. Шеффле, американские ученые У. Рейли, Д. Рэй и многие другие, а также открытия эффекта пространственного рыночного взаимодействия [9, с. 36-38.]. Это – своего рода «гравитационный» эффект, возникающий при взаимодействии масс различных потенциалов территории. Региональный рынок или регион в целом представляется в виде массы, а рыночные связи рассматриваются как взаимодействия масс. Отдельные элементы (частицы) массы подчиняются определенным законам, формируемым рынком в целом. Например, притяжение двух городских рынков прямо пропорционально численности населения этих городов и обратно пропорционально квадрату расстояния между ними. В целом же размер рыночного потенциала территории зависит от расстояния до региональных рынков, транспортных издержек, от размеров финансового потенциала регионов, с которыми имеется рыночное взаимодействие.

По сути, современный регион представляет собой обособленную часть народного хозяйства страны, в которой осуществляется полный цикл общественного воспроизводства по фазам (производство, распределение, обмен, потребление), по главным факторам производства (труд, земля, капитал), по результатам (региональный валовой продукт, национальный доход, рабочая сила, производственные отношения) [13, с. 6-7]. Вместе с тем он включает и воспроизводство рыночных отношений между субъектами региональных рынков различного типа и элементов производительных сил под влиянием региональных условий и факторов.

Региональный рынок автор определяет как территориальную организацию сферы обращения различных элементов ресурсного потенциала, где происходит согласование интересов производителей и потребителей. Поэтому региональная экономика предстает как система рынков, на которых обращаются совокупные ресурсы территории (природные, трудовые, материальные, финансовые, информационные). При этом региональные рынки выполняют не только функции обслуживания коммерческих сделок, но и становятся самостоятельной сферой, выполняющей районобразующую функцию. Такое расширительное понимание региона позволяет использовать свойства региона как системы, рассмотренные выше, сочетать самоорганизацию с регулирующими воздействиями для увеличения объемов валового регионального продукта, налоговых поступлений в региональные бюджеты, обеспечивать высокий уровень занятости населения и как результат – повышать уровень и качество жизни населения и эффективность экономики региона [9, с. 424]. А почему, собственно, не пойти в исследовании процессов регионального воспроизводства дальше, основываясь не только на одном из аспектов функционирования экономики региона – взаимодействии системы рынков, а раскрыть основу воспроизводства в регионе – наличие тех или иных природных и человеческих ресурсов. Возможно, это позволит установить взаимообусловленность развития всех сфер жизнедеятельности региона, рассмотреть динамику рынков, определить «коридорные» параметры их функционирования в увязке с элементами воспроизводственной основы региона, избежать перекосов и сбалансировать нагрузку на территорию (например, порождения таких субрегионов-монстров, как Москва и др.). Рыночная зрелость –

не абсолютный критерий развитости региона, стремление к самодостаточности должно сопровождаться ограничением активности (в т.ч. и экзогенным, со стороны государства) в интересах как самого региона, так и таксономической системы более высокого порядка, включая общество в целом. Возможно, тогда от «регионов России» можно будет перейти к «России регионов», сильной и многообразной в едином пространстве национальной экономики.

Литература

1. Иншаков, О.В. Социоприродохозяйственные контуры регионального человеческого развития / О.В. Иншаков, М.М. Гузев, О.А. Ломовцева, Р.А. Попов. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2001. – 68 с.
2. История мировой экономики. Хозяйственные реформы 1920-1990 гг. /А.Н. Макарова и др. – М.: Наука, 1995. – 356 с.
3. Ломовцева, О.А. Планирование и прогнозирование региональной социоприродохозяйственной системы / О.А. Ломовцева. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1998. – 342 с.
4. Моисеев, Н.Н. Расставание с простотой / Н.Н. Моисеев. – М.: Аграф, 1998. – 480 с.
5. Моисеев, Н.Н. Универсум. Информация. Общество / Н.Н. Моисеев. – М.: Устойчивый мир, 2001. – 200 с.
6. Нуреев, Р.М. Экономика развития: модели становления рыночной экономики / Р.М. Нуреев. – М.: ИНФРА-М, 2001. – 239 с.
7. Реймерс, Н.Ф. Экология: теории, законы, правила, принципы и гипотезы / Н.Ф. Реймерс. – М.: Россия Молодая, 1994. – 367 с.
8. Грицай, А.В. Центр и периферия в региональном развитии / А.В. Грицай, Т.В. Иоффе, А.И. Трейвиш. – М.: Наука, 1991. – 168 с.
9. Новоселов, А.С. Теория региональных рынков / А.С. Новоселов. – Ростов-на-Дону; Новосибирск, 2002. – 448 с.
10. Изард, У. Методы регионального анализа: введение в науку о регионах / У. Изард. М., 1966. – 660 с.
11. Шнипер, Р.И. Регион: экономические методы управления / Р.И. Шнипер. – Новосибирск, 1991. – 308 с.
12. Гранберг, А.Г. Основы региональной экономики / А.Г. Гранберг. М., 2000. – 584 с.
13. Шабунина, И.М. Теория и практика региональной экономики / И.М. Шабунина, О.А. Ломовцева, М.Ю. Трубин. Волгоград, 1996. – 180 с.

REGION IN THE CONTEXT OF SOCIAL DEVELOPMENT AND THE EVOLUTION OF ECONOMIC THOUGHT

O. A. LOMOVCEVA

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
lomovceva@bsu.edu.ru*

The article considers the conceptual questions of formation and development of regional studies as an objective process. On the one hand, the priorities of economic activity change across regions of the world that requires identification of patterns and factors of specialization. On the other hand, operate integration mechanisms of country (national) economies that are designed to ensure the integrity and guarantees convergence of levels of development of individual territories.

The author uses the concept of economic cycles for confirmation of transformation processes in the regional economies and also considers a number of modern ideas about the region, to synthesize the representation about it as about socio-environmental-economic system.

Keywords: region, economic activity, theories of regional economy, regional market, reproduction approach, regional socio-environmental-economic system.